

ВЛИЯНИЕ ОПЬЯНЕНИЯ НА УГОЛОВНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В США

© 2008 г. И. Д. Козочкин¹

В США по некоторым источникам половина всех убийств совершается лицами, находящимися в состоянии опьянения (intoxication)². Чаще всего оно бывает алкогольным или наркотическим, но может быть и иным. В Примерном УК (п. 5(а) ст. 2.08) или, например, в уголовных кодексах штатов Техас (п. d ст. 8.04) и Алабама (ст. 13А-3-2), а также в судебной практике опьянение определяется как *“расстройство психических или физических способностей в результате введения каких-либо веществ в организм человека”*³.

Опьянение может быть недобровольным и добровольным. В прецедентах (пишет П. Робинсон) выделяют четыре основания для признания лица, находившимся в состоянии недобровольного опьянения: опьянение, имевшее место в результате невинной ошибки, принуждения, приема предписанных медицинских препаратов и так называемое патологическое опьянение⁴. Последнее нуждается в пояснениях, так как, строго говоря, недобровольным может считаться условно, ибо вызывается самим субъектом, знающим, какое вещество он добровольно принимает. В Примерном УК патологическое опьянение определяется как *“опьянение в чрезвычайно сильной степени при данном количестве опьяняющего вещества, если деятель не знает, что он подвержен такому опьянению”* (п. 5 (с) ст. 2.08). В специальной литературе объясняется, что патологическое опьянение – *“это временная психотичная реакция, часто проявляющаяся насилием, которая вызывается употреблением алкоголя лицом, находящимся в предрасположенном для этого психическом или физическом состоянии”*⁵, т.е. например, страдающим временной эпилепсией, энцефалитом или метаболическим расстройством.

Недобровольное опьянение по общему правилу является основанием для защиты от предъяв-

ленного обвинения в совершении уголовно наказуемого деяния. Но из этого правила могут быть исключения. Если, например, опьянение произошло в результате допущенной, тем более умышленной, передозировки предписанного медицинского препарата либо если лицо знало или имело основание полагать, что употреблением алкоголя может быть вызвана указанная выше реакция, то такое опьянение не признается недобровольным. Не может рассчитывать на снисхождение суда и лицо, которое, являясь просто алкоголиком или наркоманом, совершает преступление, находясь в одурманенном состоянии.

По Примерному УК (п. 4 ст. 2.08) опьянение, которое: а) не вызвано самим деятелем или б) является патологическим, представляет собой утверждающую защиту, если в силу такого опьянения деятель при осуществлении им своего поведения был в существенной степени лишен способности оценивать его преступность (упречность) или согласовывать свое поведение с требованиями закона. Из сказанного можно сделать вывод, что недобровольное опьянение, в том числе патологическое, по существу может быть основанием для исключения уголовной ответственности по правилам о невменяемости (ст. 4.01)⁶, хотя согласно п. 3 ст. 2.08 опьянение *“само по себе”* не является психическим заболеванием по смыслу ст. 4.01⁷.

Положение, сходное с тем, которое закреплено в п. 4 ст. 2.08 Примерного УК, содержится и в уголовных кодексах штатов, например, в УК Кентукки: опьянение является защитой от обвинения, если оно не является добровольным и лишает обвиняемого в существенной степени спо-

¹ Профессор кафедры уголовного права и процесса юридического факультета Российского университета дружбы народов.

² Эти данные были приведены в ходе рассмотрения дела Montana V. Egelhoff, 518 U.S. 37, 49 (1996).

³ People V. Low, 732 P. 2d 622, 627 (Colo 1987).

⁴ Robinson P. Criminal law. N.Y. Aspen law & business, 1997. P. 313.

⁵ Tiffany P. and Tiffany M. Nosologic objections to the criminal defense of pathological intoxication: What do the doubters doubt? //13 International J.L & Psychiatry, 1990. P. 49.

⁶ Пункт 1 этой статьи гласит: “Лицо не несет ответственности за преступное поведение, если во время осуществления такого поведения оно вследствие психической болезни или неполноценности лишено в существенной степени способности отдавать себе отчет в преступности (упречности) своего поведения или согласовывать свое поведение с требованиями закона”.

⁷ В Комментариях к ст. 2.08 отмечается: возможно, когда-нибудь эксперты обнаружат заболевание, вызывающее неконтролируемую потребность пить, и в этом случае алкоголик, допустивший в состоянии опьянения поведение, которое по кодексу подпадает под тест о невменяемости, мог бы поднять вопрос о защите в силу невменяемости (American law institute (ALI) Model Penal Code and Commentaries. Part I. General Provisions. Phil., 1985. P. 361).

способности оценивать преступность своего поведения или согласовывать свое поведение с требованиями закона (п. 2 ст. 501. 080)⁸. Однако, в отличие от Примерного УК, в уголовных кодексах штатов, как правило, не выделяется патологическое опьянение. В комментарии к ст. 13А-3-2 УК штата Алабамы это объясняется тем, что у медицинских авторитетов нет единства мнения относительно существования такого “синдрома”⁹.

Гораздо более сложным представляется вопрос об уголовной ответственности в случаях добровольного опьянения. Общее право, которое оказало большое влияние на его статутное и судебное решение, претерпело в данной области значительные изменения. Ранее, английское общее право считало, что добровольное опьянение ни в коем случае не может служить оправданием для правонарушителя. А.У. Блэкстон, знаток английского общего права, писал, что опьянение – скорее отягчающее, нежели извиняющее обстоятельство¹⁰.

Но, начиная с XIX в., указанное правило становится не столь категоричным, и появляются исключения из него. В настоящее время наиболее общий подход общего права состоит в том, что добровольное опьянение может быть защитой от предъявленного обвинения в случае совершения преступления со специальным намерением, но не с общим. Однако такой подход представляется проблематичным, так как нередко довольно трудно разграничить эти два вида намерения. Проиллюстрируем на двух примерах. Если обвиняемый совершил половой акт с потерпевшей, полагая под влиянием опьянения, что она была “согласна”, он не может ссылаться на то, что совершил изнасилование, находясь в состоянии опьянения, так как это преступление общего намерения¹¹. Если же обвиняемый был арестован до совершения полового акта и ему предъявлено обвинение в “нападении с целью изнасилования”, он может ссылаться на состояние опьянения как на доказательство отсутствия у него специального намерения совершить изнасилование, так как, по его словам, был настолько пьян, чтобы понимать, что делает, либо ошибочно полагал, что потерпевшая была “согласна”¹².

⁸ В УК некоторых штатов, например, Висконсина (п. 1939.42) предусматривается “right or wrong test” – тест, используемый при определении невменяемости по правилам Макнатена (см.: Козочкин И.Д. Уголовное право США: успехи и проблемы реформирования. СПб., 2007. С. 138).

⁹ Alabama criminal code annotated with commentaries. The Michie Co., Charlottesville, 1992. P. 62.

¹⁰ Blackstone v. Commentaries on the laws of England (1769) V. 4 Beacon Press, 1962. P. 25–26.

¹¹ См., например: State v. McDaniel, 515 So. 2d 572, 575 (La. St. App. 1987).

¹² См., например: People v. Carines, 597 N.W. 2d 130, 140 (Mich 1999).

Несмотря на то, что и в первом, и во втором случае обвиняемый одинаково опасен, исход дела может быть разным, хотя “принципы общего предупреждения требуют одинакового к нему отношения”¹³. Верховный суд Калифорнии в 1969 г. заметил, что концепции “общего намерения” и “специального намерения” “развивались как судебный ответ на проблему правонарушителя, находящегося в состоянии опьянения”¹⁴.

Американская уголовно-правовая доктрина в целом относится довольно критически к архаичному делению намерения на общее и специальное. Но судебная практика порывает с ним весьма неохотно. Даже в тех штатах, где уголовные кодексы вслед Примерным УК от такого деления отказались, суды время от времени подтверждают приверженность ему. Парадоксальное положение существовало в штате Иллинойс до 1 января 2002 г., когда защита по причине добровольного опьянения была отменена: в определении намерения указанного деления не было, как нет и сейчас (ст. 4-4 УК), а в определении опьянения оно предусматривалось, так как согласно ст. 6-3 лицо не подлежит уголовной ответственности за свое поведение, если опьянение было настолько сильным, что лицо лишилось разума и способности формировать специальное намерение, являющееся элементом посягательства. К слову, различие между общим и специальным намерением проводится в 21 штате.

Вообще же уголовное право (законодательство и прецедентное право) в разных штатах к добровольному опьянению относится по-разному. По состоянию на 1997 г. в 37 штатах оно являлось защитой от обвинения в совершении некоторых преступлений, но не убийства, в двух – оно могло быть основанием для понижения тяжкого убийства 1 степени до более низкого уровня и в одном штате – добровольное опьянение могло быть защитой от обвинения в совершении любого преступления. В 10 штатах добровольное опьянение не допускалось в качестве защиты вообще¹⁵. Так, на основании ст. 13-03 Аризона: “временное опьянение в результате добровольного приема, употребления, вдыхания или инъекции алкоголя, незаконного вещества (гл. 34 УК) или других психоактивных веществ или злоупотребления предписанными препаратами (лекарствами) не составляет невменяемости и не является защитой от обвинения в совершении какого-либо преступного акта или от наличия требуемого психического состояния”. Если иметь в виду, что по-

¹³ Dressler J. Understanding criminal law. Matthew Bender & Co, Inc. 2001. P. 326.

¹⁴ People v. Hood, 462. P. 2d 370, 377 (Cal. 1969).

¹⁵ Keitner M. Just say no excuse: the rise and fall of the intoxication defense // 87 J. Crim/ L & Criminology? 1997. P. 518–520.

добные статуты были приняты в период 1996–1997 гг., по-видимому, под влиянием решения Верховного суда страны по делу Эгельхоффа 1996 г.¹⁶ и что “запретительные” статуты так же принимались в последующие годы в других штатах, о чем свидетельствует вышеприведенный пример штата Иллинойс¹⁷, то можно говорить об определенной тенденции в данной области. Такой вывод подтверждается высказыванием Дж. Жиббо: законодатели и суды все чаще говорят “нет” опьянению как защите или смягчающему обстоятельству¹⁸.

В Примерном УК (ст. 2.08) содержатся два положения, применимые к случаям добровольного опьянения. *Первое*: за исключениями, предусмотренными п. 4¹⁹, опьянение деятеля не является основанием для защиты, если оно не исключает какой-либо элемент посягательства. *Второе*: если деятель в силу вызванного им самим опьянения не сознает риска, который, будь он трезв, сознавал бы, такое отсутствие сознания не имеет значения в случаях, когда неосторожность образует какой-либо из элементов посягательства.

Из этих положений можно сделать вывод, что даже если опьянение является добровольным, оно может быть защитой от предъявленного обвинения, если оно исключает цель (намерение) или осознание (заведомость), но не исключает неосторожность²⁰. Эта рекомендация Примерного УК нашла отражение в уголовных кодексах штатов. В некоторых из них предусматриваются более высокие требования. Так, по УК Аляски опьянение может быть доказательством отсутствия только намерения (ст. 11.83.630). Поэтому, например, такое преступление как подлог или подделка документов, которое требует намерения обмануть кого-то, не может быть совершено субъектом, который находился в состоянии опьянения, чтобы иметь такое намерение. Другой пример из судебной практики: обвиняемый, которому инкриминировалось тяжкое убийство I степени (во многих штатах и на федеральном уровне оно карается смертной казнью), так как убийство

произошло во время совершения ограбления²¹, может надлежащим образом защищаться от предъявленного обвинения на том основании, что он был настолько пьян, что не мог иметь намерения совершить ограбление, т.е. не виновен в совершении этого преступления²².

При решении рассматриваемого вопроса суды учитывают количество вещества, которое было “принято”, степень опьянения, когда это имело место и другие факторы. Так, например, Верховный суд штата Огайо в 1998 г. указал: обвиняемый должен доказать, что опьянение было настолько сильным, что не позволило сформировать соответствующее намерение. Поскольку, как было установлено, обвиняемый “принял” алкоголь после произведенных выстрелов, он постановил, что судья совершенно правильно в наставлении присяжным отказался от ссылки на добровольное опьянение²³. Однако, если намерение совершить преступление сформировалось заранее и субъект употребляет алкоголь для храбрости, он не может ссылаться на опьянение как на защиту от обвинения, даже если к моменту совершения преступления он был настолько пьян, чтобы иметь соответствующее намерение.

У. Лафейв пишет, что не обязательно, чтобы в результате добровольного опьянения субъект стал невменяемым или впал в бессознательное состояние, или не мог различать, что хорошо, а что плохо²⁴. Возможно, он в принципе прав, но абсолютный характер этого утверждения им же ставится под сомнение приведенной выдержкой из прецедента 1935 г. (штат Кентукки): для того, чтобы добровольное опьянение являлось “эффективным”, оно должно быть таким, чтобы “полностью лишало обвиняемого его разума и делало неспособным понимать, что хорошо, а что плохо”²⁵. Вопросы соотношения добровольного опьянения и невменяемости, а также бессознательности нуждаются в специальном рассмотрении, что по возможности делается далее.

Что же касается неосторожности, которая, как отмечалось выше, в силу добровольного опьянения по рекомендации Примерного УК в ряде штатов, в частности в Нью-Йорке не исклю-

¹⁶ Montana v. Egelhoff, 518 U.S. 37, 116 S. Ct. 2013 (1996).

В решении по этому делу Верховный суд постановил: нет конституционного права поднимать вопрос о защите, основанной на добровольном опьянении и штаты вольны упразднить такую защиту.

¹⁷ В комментарии к ст. 6-3 УК Иллинойса говорится, что изменения в эту статью были внесены под влиянием указанного решения Верховного суда (Illinois criminal law and procedure, 2004. Statutes, cases and commentary. Chase Leonard / Stipes publishing L.L.C. 2004. P. 30).

¹⁸ Gibeault J. Sobering thoughts // American bar association journal. 1997. 83. P. 57.

¹⁹ Содержание этого пункта приводится выше.

²⁰ Примерный УК предусматривает четыре формы виновности: цель (в кодексах штатов – намерение), осознание (заведомость), неосторожность и небрежность (ст. 2.02).

²¹ Обвинение было основано на доктрине felony-murder (фелония – тяжкое убийство): любое убийство, даже случайное, имевшее место в ходе совершений фелонии (деяния, по общему правилу караемого лишением свободы сроком более одного года), может квалифицироваться как тяжкое, во многих юрисдикциях – как тяжкое убийство I степени.

²² People v. Koerlev, 244. N.J. 147, 155 N.E. 79 (1926).

²³ State v. Mittes, 81 Ohio St 3d 223, 690 N.E. 2d 522 (1998).

²⁴ LaFave v. Criminal Law. St. Paul, M.N, West/Thomson. 2003. P. 475.

²⁵ Ibid; Jate v. Commonwealth, 258 Ky.685, 80 S.W 2d 817 (1935).

чается²⁶, то здесь можно говорить о юридической фикции, позволяющей считать лицо, находящимся в определенном виновном психическом состоянии, которого он фактически не имеет. Это было сделано для создания своеобразного компромисса между желанием возложить какую-то ответственность для защиты общества и убеждением, что правонарушитель, находящийся в состоянии добровольного опьянения, менее виновен, чем лицо, которое действительно имеет виновное психическое состояние во время совершения посягательства²⁷. Однако этот компромисс часто не приводит к достижению желаемого результата, так как не всякое посягательство, которое может быть совершено с целью (намеренно) или с осознанием, может быть совершено по неосторожности.

Более серьезный упрек, который высказывается в американской юридической литературе по адресу указанного компромисса, касается его сути, основ. Так, П. Робинсон отмечает, что отношение к субъекту так, как если бы он находился в каком-либо виновном психическом состоянии, которого он в действительности не имеет, является “нелогичным и неэтичным”. Такое отношение, продолжает он, “несовместимо с общими принципами уголовной ответственности”²⁸.

Рассматривая этот вопрос многие американские авторы обращаются к английскому прецеденту по делу DPP v. Majewski, в котором суд Палаты лордов фактически признает вышесказанное, но утверждает, что сохранение существующего правила обусловлено общественной озабоченностью. Он также признает, что если лицо обвиняется в совершении посягательства, не требующего специального намерения (цели, намерения или осознания – по терминологии Примерного УК или УК, например, штата Нью-Йорка), и полагается на доказательство добровольного опьянения, обвинение не должно доказывать ни *mens rea*, обычно требуемое для этого посягательства (даже если оно указано в его определении), ни добровольность его действия; такое лицо может быть осуждено на основании доказанности совер-

шения им *actus reus*²⁹. Можно говорить, что по существу это означает строгую ответственность³⁰.

Осознавая уязвимость для критики рассматриваемого правила, точнее, исключения из общего правила, признавая ее “заслуживающей уважения”, комментаторы Примерного УК тем не менее его оправдывают. Противное правило, пишут они, заставит обвинение доказывать, что обвиняемый сознательно игнорировал большой риск опасности в то время, когда он стал пьяным, а это было бы чрезвычайно трудно доказать³¹.

Как выход из такого положения некоторые ученые предлагают в качестве защиты исключение любого виновного психического состояния. Но в этом случае на обвиняемого возлагалась бы уголовная ответственность за специальное посягательство (“опасное опьянение”), которое бы наказывалось как за посягательство, за которое была допущена защита в силу опьянения³². Однако реализация данного предложения поставила бы обвиняемого в еще худшее положение, так как по существу позволила бы вменить ему в вину совершение посягательства не только по неосторожности, но и с целью (намеренно).

Случается, что в силу опьянения лицо впадает в бессознательное состояние, в котором оно причиняет вред другим. Может ли оно избежать осуждения, ссылаясь на общий принцип уголовной ответственности, что никто не подлежит осуждению за преступление, если его поведение не было осуществлено волимо, сознательно? Судебная практика по этому вопросу неоднозначна. В одних случаях суды, признавая, что бессознательное состояние обычно исключает уголовную ответственность, указывали: не может быть защиты от предъявленного обвинения, если такое состояние – результат добровольного употребления алкоголя или наркотиков. В других – применив правила *mens rea* к заявлениям о “недобровольности”, суды допускают доказательства основанной на опьянении “недобровольности” в качестве защиты от обвинения в совершении преступления специального, но не общего намерения³³.

Дело Велеца апелляционный суд штата Калифорния рассматривал в 1986 г. Обвиняемый, которому инкриминировалось нападение со смертоносным оружием, настаивал на том, что он совер-

²⁶ Robinson P. Op. cit. P. 312.

²⁷ В УК (п. 3 ст. 15.05) штата Нью-Йорк эта форма виновности определяется следующим образом: “Лицо действует неосторожно по отношению к результату или обстоятельствам, которые описаны законом, определяющим посягательство, если оно осознает и сознательно игнорирует значительный и неоправданный риск того, что результат наступит или что такие обстоятельства существуют. По своему характеру и степени риск должен быть таким, что его игнорирование составляет грубое отклонение от требований, которые бы соблюдались разумным лицом в данной ситуации”. И далее. “Лицо, которое создает такой риск, но не осознает его только по причине своего добровольного опьянения, также действует неосторожно по отношению к такому риску”.

²⁸ Ibid. P. 313.

²⁹ DPP v. Majewski (1977) AC 443, (1976) 2 ALLER 142, HL.

³⁰ Подробнее см.: Козочкин И.Д. Строгая ответственность в уголовном праве Англии и США // Правоведение. 2000. № 1. С. 136.

³¹ HL1, Op. cit. Comment 1(d) to 2.08, at P. 359.

³² Criminal law revision committee, 14-th report: offences against the person, Cvd. 7844/262–266 (1980).

³³ См., например: People v/ Chaffey, 30 Cal. Rprt. 2d 757 (Ct. Hpp. 1994).

шил деяние, находясь под воздействием наркотиков, в бессознательном состоянии. Такое состояние действительно исключает уголовную ответственность (ст. 26 УК). Однако суд посчитал иначе, сославшись на мнение, которое много лет тому назад высказал верховный судья штата Трейнор: бессознательность, говорил он, которая была вызвана добровольным опьянением, подпадает под действие ст. 22³⁴, а не 26 и не составляет защиты от предъявленного обвинения, если для совершения преступления требуется только общее намерение (указанное посягательство считается преступлением общего намерения – *И.К.*). Единство и взаимодействие действия и намерения или преступной небрежности, продолжал он, должно быть в любом преступлении... и предполагается существующим безотносительно к бессознательности, вызванной добровольным опьянением. Наставление присяжным, заключил он, в котором не разграничивается бессознательность, вызванная добровольным опьянением либо другими причинами, является ошибочным. Мнение суда: ст. 22 предусматривает, что бессознательность, вызванная добровольным опьянением, допускается только в качестве частичной защиты от обвинения в преступлении, требующем какое-то специальное намерение, и не является защитой от обвинения в преступлении общего намерения. Поэтому нижестоящий суд не ошибся, дав соответствующее наставление³⁵.

Иногда суды заявляют, что доказательство состояния бессознательности, вызванного добровольным опьянением, может быть представлено обвиняемым, когда “его защита состоит в том, что он физически не совершил действие, за которое его обвиняют”³⁶. Это положение, по мнению Дж. Дресслера, следует понимать как отличное от утверждения, что обвиняемый совершил его неумышленно³⁷.

На практике нередко возникает проблема соотношения добровольного опьянения и невменяемости. В одном из исследований (1998), посвященном относительно так называемой устойчивой невменяемости (*settled insanity*), вызванной длительным злоупотреблением алкоголем или наркотиками, делается следующий вывод: не-

смотря на существование конституционного права на защиту в силу невменяемости, политические соображения и последние прецеденты Верховного суда и судов штатов утверждают, что не существует конституционного права на защиту в силу “устойчивой невменяемости”. И далее там дается совет: “Имея в виду разрушительное воздействие наркотиков и алкоголя на наше общество, для целей надлежащей правовой процедуры”³⁸ судам следует рассматривать “устойчивую” невменяемость подобно добровольному опьянению и отказывать в допуске защиты от обвинения в осуществленном преступном поведении по причине “устойчивой” невменяемости”³⁹. Однако Дж. Дресслер, также со ссылкой на нестарые прецеденты и М. Хейла, высказывает другое мнение: “Если психическое расстройство, хотя и явившееся результатом длительного злоупотребления алкоголем или наркотиками, стало “устойчивым”, общее, но не универсальное правило состоит в том, что обвиняемый может отстаивать право на традиционную защиту в силу невменяемости”⁴⁰.

Однако, по-видимому, можно считать общепризнанным, что если вследствие чрезмерного и длительного употребления алкоголя или наркотиков возникает более или менее постоянное психическое заболевание или расстройство (например, белая горячка), в результате которого лицо не осознает, что хорошо, а что плохо⁴¹, оно не может быть признано виновным в преступлении, хотя во время его совершения оно могло быть трезвым.

Необычное решение рассматриваемого вопроса предусматривается в УК штата Техас (ст. 8.04). Общее закрепленное там положение гласит: добровольное опьянение не составляет защиты от обвинения в совершении преступления (п.а). Однако согласно п. б доказательство “временной невменяемости”, вызванное опьянением, может быть представлено лицом для смягчения наказания. Но в кодексе не объясняется ни как смягчается наказание, ни что собой представляет “временная невменяемость”. Из литературных же источников следует, что эта форма невменяемости не связана с психическим заболеванием.

Чрезмерное употребление алкоголя может быть результатом некоторых форм невменяемости. Если лицо, будучи невменяемым и в состоянии опьянения совершает преступление, оно не утрачивает права на защиту в силу невменяемо-

³⁴ Суть положений этой статьи, которые Дж. Дикс, по-видимому, в силу их оригинальности именует “калифорнийским правилом”, состоит в том, что доказательство добровольного опьянения не допускается для исключения способности формировать соответствующее психическое состояние, но допускается по вопросу о том, действительно ли у обвиняемого сформировалось требуемое специальное намерение или нет (*Dix G. Criminal Law Cgicago, Harceurt Brace Legal and professional publication Inc. 1997. P. 78–79*).

³⁵ *People v. Velez*, 221 Cal. Rprt. 631 (Cal. App. 1986).

³⁶ *Linehan v. State*, 442 So 2d 244. 250 (Fla. 1983).

³⁷ *Dressler J. Op. cit. P. 328*.

³⁸ Имеются в виду клаузулы поправок V и XIV к Конституции США.

³⁹ 78 B.U.L.Rev. 1998. P. 75, 79. Цит. по: LaFave, Op. cit. P. 481.

⁴⁰ *Dressler J. Op. cit. P. 329*.

⁴¹ Этот тест применяется в юрисдикциях, где действуют правила Макнатена.

сти, несмотря на то, что оно находилось в таком состоянии. А в решении Верховного суда штата Сев. Каролина отмечалось, что защиты в силу невинности и добровольного опьянения “не являются взаимоисключающими” и следовательно “могут сосуществовать в одном и том же деле”⁴².

Особого внимания заслуживает проблема влияния опьянения на ответственность за убийство. Здесь прежде всего следует отметить, что в большинстве штатов и на федеральном уровне тяжкое убийство подразделяется на степени, обычно на две, из коих тяжкое убийство I степени является наиболее опасным, нередко караемым смертной казнью. Лишь в двух штатах (Вирджинии и Пенсильвании) допускается возможность защиты по причине добровольного опьянения в преследовании за тяжкое убийство I степени. В соответствии со ст. 308 УК Пенсильвании доказательство опьянения (алкогольного или наркотического) может быть представлено обвиняемым, когда это оказывается релевантным, чтобы понизить тяжкое убийство более высокой степени до тяжкого убийства более низкой степени⁴³.

В штатах, например, в Нью-Джерси или Канзасе, законодательство которых определяет тяжкое убийство I степени как “заранее обдуманное, преднамеренное” убийство, обвиняемый может представить доказательства того, что, поскольку его сознание было “затуманено” наркотиками

или алкоголем, он не мог совершить преступление заранее обдуманно или преднамеренно⁴⁴. В этом случае преступление может быть понижено до уровня тяжкого убийства II степени. Лицо также может избежать ответственности за тяжкое убийство I степени, если оно в состоянии опьянения осуществляет поведение, подпадающее под действие доктрины “фелония – тяжкое убийство”, о чем было сказано выше.

Но может ли состояние добровольного опьянения быть основанием для понижения тяжкого убийства до уровня простого умышленного убийства (*voluntary manslaughter*)⁴⁵? Ответ на этот вопрос связан с оценкой провокации (со стороны потерпевшего) – наиболее распространенного обстоятельства, позволяющего квалифицировать убийство как простое умышленное⁴⁶. Несмотря на то, что, находясь в состоянии опьянения, лицо может стать более агрессивным, возбужденным, только такая провокация принимается судом во внимание, которая была бы адекватной в отношении разумного трезвого человека⁴⁷.

⁴⁴ См., пример: *State v. Ludlow*. 838 P. 2d 1144, 1147–50 (Kan. 1994).

⁴⁵ Например, по УК Алабамы, где тяжкое убийство на степени не подразделяется, оно карается пожизненным лишением свободы или смертной казнью/п.с. ст. I3A-6-2/, а простое – до 20 лет (ст. I3A-6-3).

⁴⁶ Подробнее см.: Козочкин И.Д. Уголовное право США. С. 342.

⁴⁷ *LaFave v. Criminal Law*. St. Paul, M.N, West / Thomson. 2003. P. 478.

⁴² *State v. Silvers*, 323 N.C. 646, 374 S.E. 2d 858 (1989).

⁴³ УК Пенсильвании предусматривает тяжкое убийство трех степеней. В отношении Вирджинии см. прецедент: *Griggs v. Commonwealth*, 255 S.E. 2d 475, 479 (Va 10979).